

Светлые люди, Назидание, Сокровище, Наша радость

СВЕТЛЫЕ ЛЮДИ

Светлые люди, обретшие истину, пойдите прочь от меня! Холодное спокойствие ваших глаз похоже на мёртвое безразличие палача, ваше глубокомысленное молчание непреклонно, как гробовая тишина, и блаженные лики ваших священных статуй выглядят издевательской насмешкой богов над человеком. Презираю ваш звонкий смех, звенящий бубенцом юродивого клоуна, танцующего на руинах Карфагена, и отвратительна мне ваша благодать, как приторная лесть нищенки, бьющей поклоны самодовольному толстосуму. Ваша истина – безобразная кривая ухмылка пьяного жирного иерея, набившего брюхо по самую глотку вином и мясом. Благословенны ищущие и да будут прокляты нашедшие!

НАЗИДАНИЕ

- Ну, скажи мне что-нибудь. Не молчи. Может быть, тебе дать попить или покушать?
- Пошла прочь, дрянь! Прочь от моего смертного одра! Лучше бы шлюха легла рядом...
- Миленький, что ты говоришь? Не гневи Бога!
- Бога? Ты же не веришь в него, лживая сволочь. Это я – верю! А гневишь Его ты каждым своим жалким, убогим словом, дрожью своих безобразных старческих губ! Видом своим нелепым. Поди прочь, жалкое зрелище!
- Не надо так. Ведь осталось совсем мало... Давай попросимся...
- Я с тобой, корова, попросился уже давно. И мне бояться нечего, а если и есть, что терять, так только тебя, никчемность. Я прожил достойным гражданином, божьим человеком. Я молился и причащался. Я был божьим рабом и достойным мужем... А ну хватит! Не реветь! Чтобы пискнуть не смела больше!
- Не надо...
- А кто ты? Без породы, без веры, без ума. Беспомощная улитка. Ни кожи, ни рожи, тебе даже не хватило характера возмутиться тому, что я водил домой продажных девок, в нашу супружескую постель. И кто ты после этого, достойная жена? Нет, ты тряпка. Достойный муж это я - кто любит, тот и наказывает. Помнишь? И я проверял тебя на силу духа, как и сам Бог проверял нас. Он сына своего на казнь послал, принёс в жертву. А я принёс в жертву свою репутацию и брак, проверив тебя. Будь ты достойной женой, так ушла бы прочь из дома неверного мужа, бежала бы от греха! Но ты осталась. Моё прелюбодеяние праведно, а твоя бесхребетность порочна. Хуже клеветы, лжесвидетельства, хуже чумы! Теперь я в свой смертный час говорю тебе – вон! Вон из моего дома!

- Я всё знала давно... Я уже тогда всё тебе простила. Не могло родиться во мне обиды или злости. И не ушла я, потому, что люблю тебя. Я надеялась, что...

- Это ж надо!? Она меня простила! Господь прощает только покаявшегося грешника. Но я и не собирался каяться. Так чего же стоит твоё прощение? Оно предательское, как поцелуй Иуды. Оно изъедено червями малодушия! Любовь твоя это только слабость. А я любил Бога всегда! По-настоящему! Оттого во мне было мужество совершать священный грех. Нож, вручённый Богом Аврааму – сито, отсеивающее никчемные души, как твоя. Нож Его – любовь, а твоя любовь – предательство! Слышишь ты, безмозглая позорная дочь! Моё прелюбодейство – преданность, а твоя любовь – измена! Способна ли ты уразуметь такой парадокс? Ха-ха-ха. Ха! Ха! Ха! А...

- Что? Что? Что с тобой, миленький?

- А! А!!! Ааааа...

- Нет, нет, только не умирай! Нет, нет, нет!

И отлетела легкокрылая душа праведного мужа на небеси, медленно воспарив в окружении райских видений, принявших образ обнажённых, хмельных и распутных отроковиц дивной красоты.

- Пока не долетел до рая, - заигрывали они с душой свежеприставившегося, - у тебя есть ещё одно желание. Земное-земное, ха-ха-ха! Мы его исполним. Но только одно, ха-ха-ха! Они беспрестанно смеялись и подмигивали, нежно поглаживая тонкими пальчиками ещё не забывшее морщины и последнюю испарину чело возносящегося. И он смеялся в ответ отроковицам, окидывая живыми, точно юношескими глазами их желанные и манящие очертания...

- О да! Есть у меня одно, именно одно желание! Видите эту букашку внизу, что стоит возле моей кровати на коленях и ревет, как корова? Ха-ха-ха. Раздавите её. Это моё самое большое желание.

- Будет исполнено, господин. Ха-ха-ха – звенел смех небесными колокольчиками.

Рыдания вдовы утихли через час, взгляд её погас и окаменел. Чёрная тишина сочилась из приоткрытых, искусанных в кровь губ, странно покривившихся на ничего не выражающем лице. Огромная красная тень адского пламени легла на её грешную душу могильной плитой, прошептав о том, что надо было ей всё-таки верить и молиться... Повела о том, что теперь уже поздно, что отныне разницы никакой нет, оставаться ли ей в живых в плену адской тени или умереть да отправиться напрямиком в ад, который ей отныне предначертан. Тень не ждала ответа и не нуждалась в нём, а женщина впервые в жизни не стала никому отвечать.

А праведный муж с сияющей улыбкой блаженно и почтенно ступил в рай, где его встретили и взяли под руки святые апостолы и господние ангелы.

СОКРОВИЩЕ

Сей мир – игралище Фортуны злой. // Она кичливый взор на шар земной бросает // И всей вселенной потрясает // По прихоти слепой!..

(с) Фёдор Тютчев

=====

Так был наказан гордый бог!// Свои страдания возлюбя,// Ты не хотел ему прочесть// Его судьбу - но приговор// Открыл ему твой гордый взор.//

(с) Джордж Гордон Байрон

=====

- Я прожил счастливую жизнь, - сказал мне красивый и весёлый человек, - и умер, пресыщенный днями, словно Иов, которому Бог воздал сторицей за все достойно пройденные испытания. Наверное, поэтому здесь, за чертой жизни, на небесной развилке я вдруг снова стал молодым и полным сил. Я люблю себя и ликую. Ах, если бы мне сейчас вернуться на Землю, от меня бы снова с ума женщины и мучились беспомощной завистью мужчины... Да только ангел сказал, что нельзя. Мне теперь одна дорога - в рай. То бишь, направо. Я встал с колен, отошёл к ручью и отмыл в нём руки от крови. Меньше всего хотел встретить тут этого щёголя и слушать его трескотню. Ладно, хоть бы меня ни о чём не спрашивал...

- А ты, я гляжу, прожил тяжёлую и непутёвую жизнь, преждевременно состарился. Хех! Это, наверное, мягко сказано. Вот, совсем вас не понимаю. Вроде бы люди неглупые, а носите каменным панцирем на спине груз обиды и вины, умножая печаль, свою и всех, кому выпадет несчастье оказаться рядом с вами. Зачем, если так легко его взять и сбросить? Начать улыбаться солнцу и цветам. Простить и больше не искать виноватых - вот и всё, что требуется, понимаешь? Только и всего. Только простить...

- Говоришь ты много, глупо, но беззлобно, - нарочито холодным тоном перебил я своего болтливого визави, - потому прощаю тебя... Глядя на меня озадаченно, слегка закусив губу, он помолчал с минуту и продолжил:

- Я ведь, и правда, тебе зла не желаю. Просто хочу понять, чем так дорога тебе эта недоля. Ангел уже указал тебе путь налево, в преисподнюю, в огонь, в смерть вторую и последнюю. А ты и бровью не поведёшь. Объясни мне...

- Как может незрячий крот объяснить голубю, видящему все цвета радуги, что такое слепота? Как ночная цикада может рассказать о своей любви к неверному свету луны бабочке света дневного? Как может нескладный сон объяснить разумной яви свою беспричинную печаль? Как может понять учёный муж невнятную речь безумца? И что тебе, кому необходим воздух, рыба может сказать о дыхании под водой?

- Погоди, ты запутываешь меня... Не надо спихивать всё на природу или судьбу. Это был твой выбор. И ты из кожи вон лезешь, отказываясь это признать.

- Нет, не буду давать тебе дурацких ответов, - настаивал я, - буду задавать вопросы. Итак, что такое выбор калеки? Выбирает ли беспометство нищенка, падая в обморок на папёрть

от голода и бессилия? Может ли выбрать смех вместо плача мать, стоящая у гроба сына? И наконец, выбрал ли ты сам дорогу в рай, которую час назад указал тебе ангел? Юнец опустил глаза, шаркая ногой и слегка покачиваясь, а я осторожно проверил ладонью, цела ли капсула с ядом, спрятанная у меня под рубашкой. Прошло минут пять.

- Ну, старый человек, в твоей беде тоже есть великое благо. Сокровище. Ведь ты по-своему уникален, единственен. Счастья ты не знал, зато кто смог познать столько несчастья, как ты? Во всей его полноте и мощи? - он снова заулыбался и в глазах загорелся азарт, - Это же достойно великой гордости! Мы все такие обыденные, глупые баловни судьбы, одуванчики и ромашки, а ты титан боли! Представляешь? Ты - Титан! И гордо подняв голову заключил:

- Вот так, старик. Главное, видеть во всём только хорошее!

Я быстрым движением достал капсулу из-под рубашки, раздавил её в руке и швырнул к ногам молодца.

- Хотел я отделаться легко, малодушно возжелал смерти в аду... Что ж, спасибо, что вразумил меня. Я теперь ещё больше ценю своё несчастье и очень рад, что меня ждут вечные адские муки. Я к ним давно привык. Я не сбегу теперь, но обрету в аду предельную возможность и свободу быть собой истинным.

Я посмотрел на него взглядом, исполненным нечеловеческой ненависти, презрения и гордости. Готов был зубами перегрызть его шею и вырвать ему сердце голыми руками. Но прекрасная тень страдания, впервые упавшая на молодое лицо, остановила меня. Не дожидаясь конвойного ангела, что должен был сопроводить меня, я устало побрёл дорогой в ад.

НАША РАДОСТЬ

Небо озарилось синеватым светом ночного морга. Нарастал вселенский шум, обещавший разорвать мои ушные перепонки и выдававший приближение чего-то невысказанного...

И чья-то незримая рука легла мне на плечо.

И чей-то неслышный голос сказал:

- Ничего не бойся.

- Я и не боюсь. А твоя рука почему так страшно холодна? - спросил я.

- Это не от страха. От хвори. Я с детства этим болею. Слишком горячее сердце и ледяные руки... Но совсем скоро закончится моя болезнь. И я больше никогда, уже никогда не заболую.

Я опустил глаза. Они мне были больше не нужны, ведь такой яркий свет можно видеть даже спиной и понимать его значение кожей. И я углядел, как из света выплыла синяя комета, которой осталось меньше минуты до встречи с землёй.

- Неужели это всё? – безразлично пробормотал я, представив себе роскошь небытия. Но даже его очевидность не убеждала меня.

- Да, это всё. Это последний в мире апокриф. И уже ничего не имеет смысла, ничего уже не важно. Так позволь себе хоть раз посмотреть в небо не щурясь. Это не тот свет, что ранит. Позволь себе хотя бы одну радость в жизни.

- А что такое радость? – я поднял глаза к небу. Свет, и правда, будучи невероятно ярким, совсем не слепил меня. Он благородно отступал перед нарастающим ликом кометы.

- Вот она, – ответил незримый собеседник, глядя несуществующими глазами в меркнувшее небо вместе со мной, - вот она, единственная радость. Наша радость...

<2015>